

Но пил за здравие ее вино твое,
 Тавридский коему Судак дал бытие.
 В сем граде образ был боготворен Афины,
 Он, став днесь и в области Екатерины,
 Оденет в новый блеск поблекшу старину
 И славу новую даст своѣму вину.
 Но что приятный вкус сего вина я знаю,
 Виновником тебя, Родзянко, почитаю,
 Покорно за него тебя благодарю
 И ведомым сей дар я свету сотворю
 Для умножения вину сему расхода,
 И начата ему уже похвальна ода.

19-го Августа 1794 года.

Когда б забывчивых петъ можно леногузов,
 То б похвалу соткал я и тебе, Кутузов,
 Я многажды тебя, для выкройки чехлов,
 Просил ко мне прислать портного из хохлов —
 Сидорку; или же кого ты сам рассудишь.
 И ты сказал — пришло, и верно не забудешь,
 Однако ж позабыл, и по сие число
 Творение сие в чертог мой не вошло.
 И о твоей мои чехлы не шиты лени,
 Однако ж говорить тебе не стану лени,
 Но с ласкою еще учтиво попрошу
 И благодарный стих, коль пришьешь, напишу.

В распоряжении Рубана оказалось огромное разнообразие вещей, при полном отсутствии метода для литературного освоения новых в литературе материалов. Лет через двадцать пять графоманы XIX века могли уже с легкостью писать на обиходные темы по образцам Батюшкова и Жуковского. Карамзинисты отобрали некоторое количество обиходных вещей, распределили их по местам, вытряхнули из них вещественное содержание и создали так стиль дружеских посланий. Что же касается рубановских чехлов, то они вышли из быта и в быту остались.

Подносные стихи Рубана — явление быта. Именно потому они — замечательное по своей прямоте свидетельство о социальном факте наемничества, зашифрованном в высокой поэзии XVIII века.